

Госпожа Хань посидела в гостиной, пытаясь успокоиться и разложить всё по полочкам. На душе всё ещё было беспокойно, но новость о беременности Мориса всколыхнула в глубине души ту самую радость, которую и предвидел Хань Цзин.

— Чжан-ма, как раз вовремя. Суп из ласточкиных гнёзд уже томится?

Чжан-ма вышла из кухни, на её лице читалось явное замешательство.

— Да, всё поставила.

— Вот и славно. Достань шерстяные ковры и застели лестницу, особенно на поворотах.

Госпожа Хань вечно переживала, что молодёжь слишком беспечна, особенно её драгоценный сын. Она обернулась и увидела, что экономка всё ещё стоит на месте.

— Что такое?

Чжан-ма замялась:

— Молодой господин спустился... Он сейчас сам у плиты, готовит.

— Что?! — ахнула госпожа Хань, и на её лице отразилось недовольство.

С самого детства, даже когда семья испытывала трудности, она оберегала сына от любой тяжёлой или грязной работы. А теперь... он сам вызвался кому-то прислуживать?!

Преисполненная негодования, она решительно направилась на кухню.

Хань Цзин вовсю суетился у плиты. Сначала он хотел приготовить рыбу-белку, но тут его осенило: откуда в доме свежий окунь? Бросив всё, он взбежал наверх и без спроса ворвался в ванную. Сквозь шум воды он разглядел Мориса — тот стоял под душем совершенно обнажённый. Хань Цзин тут же спросил, не против ли тот кисло-сладких рёбрышек.

Морис лишь раздражённо вздохнул. У этого математика мозги явно работали иначе, чем у обычных людей: если уж он уходил в свои мысли, то тупил на ровном месте!

Дождавшись грозного взгляда и чёткого ответа, Хань Цзин расплылся в улыбке, поцеловал влажного Мориса и весело умчался обратно на кухню.

Увидев, как сын ловко орудует кухонным ножом, разделявая рёбрышки на разделочной доске, госпожа Хань почувствовала, как её сердце сжимается в такт каждому глухому удару стали о кость.

— Взрослый мужчина, а занимаешься бог весть чем! Чжан-ма, почему ты не поможешь ему?! — наконец не выдержала мать, давая волю скопившемуся раздражению.

— Мама? — Хань Цзин вздрогнул, отложил нож и повернулся к ней. — Ты чего сюда пришла?

— Это я должна спросить! Что ты тут забыл? Я же говорила: если хочешь чего-то, просто скажи Чжан-ма, она всё приготовит, — госпожа Хань искренне пеклась о сыне, но старалась не говорить лишнего, щадя чувства ещё не вошедшего в семью зятя.

Хань Цзин улыбнулся:

— Мам, это я настоял, чтобы Чжан-ма не вмешивалась. Хочу сам приготовить кисло-сладкие рёбрышки для Мориса.

— И когда это ты научился готовить? Сроду ведь даже овощи не мыл, — госпожа Хань подошла ближе и заметила, что рёбрышки нарезаны на удивление ровно и аккуратно. Рядом уже стояли кулинарное вино, ароматный уксус, тростниковый сахар, светлый соевый соус... На плиту была поставлена кастрюля с водой.

— Неужели сам всё подготовил? — изумилась она.

— В студенческие годы, когда жил один, пришлось во всём разобраться, — уклонился от прямого ответа Хань Цзин, умолчав об Атлантиде.

— Надо же, даже знаешь, что рёбрышки сначала нужно бланшировать. Неплохо, — у госпожи Хань защемило сердце. Она махнула рукой, отсылая Чжан-ма из кухни. Драгоценный сын ни разу в жизни не приготовил для неё ни единого блюда, а тут так старается ради своего избранника!

Глядя на сияющего сына, она не удержалась:

— Неужели ты так сильно его любишь? До безумия? Что в нём такого особенного? Да, он вежлив и безумно красив, спору нет, но веет от него холодом. Держится так, будто между вами непреодолимая дистанция.

— Мама, ну о чём ты говоришь! Морис улыбался с самой первой минуты, как переступил порог. Он безумно тебя уважает! — Хань Цзин отложил шумовку и едва не запрыгал на месте от досады.

— Вести-то он себя умеет, но я жизнь прожила и людей вижу насквозь! В самой его сути чувствуется властность, её не скроешь. Боюсь, наплачешься ты с ним.

Госпожа Хань нахмурилась:

— Я же знаю твой характер. Пройдёт время, чувства остынут, и он приберёт тебя к рукам. Будешь ходить по струнке и горько пожалеешь о своей поспешности.

— Неужели я кажусь тебе таким бесхребетным? — проворчал Хань Цзин, отправляя бланшированные рёбрышки мариноваться в смеси из ложки вина, ложки соевого соуса и двух ложек уксуса. Ополоснув руки, он по-детски обнял мать за плечи.

— Мам... Я знаю, что ты переживаешь за меня. Думаешь, что эта домашняя суэта унижает меня. Но знаешь ли ты, на какие жертвы пошёл Морис ради меня?

Он замолчал на мгновение, подбирая слова.

— Он мужчина. Но он переступил через свою гордость и статус, чтобы выносить моего ребёнка. Разве я могу не окружить его заботой? К тому же, он мой непосредственный начальник. Давление, которое на него давит, в сто крат сильнее нашего. Так что, мамочка, пожалуйста, будь к нему ласковее! А мои хлопоты на кухне — это такая мелочь...

— Он твой начальник? — госпожа Хань осеклась, лицо её сделалось странным.

— Он начальник моего начальника... Короче, самый главный босс для меня и Роджера.

— Ты... ах ты негодник! Ты умудрился обрюхатить собственного верховного главнокомандующего?! — в сердцах воскликнула госпожа Хань, легонько ткнув пальцем в лоб сына. Её картина мира окончательно рухнула. Тихий, скромный мальчик, который при виде красивых девушек терял дар речи, выкинул такой фокус! Соблазнил собственное руководство! Даже Роджер со всей своей скрытностью до такого бы не додумался!

— Ай, мам, больно же! — Хань Цзин шутливо запричитал, хватаясь за лоб и развивая успех.

— У нас с Морисом любовь с первого взгляда. Ты ведь сама любишь смотреть сериалы про любовь, там всегда говорят, что для настоящих чувств нет чинов и званий. Мы действительно любим друг друга. Как ты всегда говоришь — это настоящая, чистая любовь!

Почувствовав, что мать смягчилась, Хань Цзин снова крепко обнял её, прижавшись щекой к её лицу. Он заметил, как разгладились морщинки на её лбу.

— Ну всё, не сердись. Давай я тебя обниму, — он ласково погладил мать по плечу, но та

шутливо шлёпнула его по руке.

— Скажешь тоже! Взрослый ведь уже, свою семью заводишь! — наконец сдалась госпожа Хань.
— Вечно ты всё делаешь кувырком. Хоть бы предупредил заранее, я бы хоть подготовилась морально.

— Так я же боялся, что ты начнёшь ворчать! Больше так не буду, обещаю! — Хань Цзин применил свой старый, проверенный с детства приём и рассмеялся: — К тому же, раз он нравится мне, то обязательно понравится и тебе! Морис замечательный. Завтра сможешь мне поговорить с отцом?

— Ладно, помогу... Тольконими лишний жир с рёбрышек. Его ведь тошнит, жирное сейчас совсем не пойдёт.

— Точно! И уксуса побольше добавлю... Беременных ведь всегда тянет на кисленькое.

Госпожа Хань наконец смирилась с выбором сына. И хотя ей по-прежнему было непривычно видеть его у плиты, мысли о будущем внуке согревали душу.

Пока аппетитный, кисло-сладкий аромат рёбрышек наполнял кухню, она внимательно наблюдала за процессом, а когда блюдо было готово, не удержалась от вопроса:

— Я заметила, у него уже виден живот. Довольно приличный. Месяц четвёртый или пятый?

— Начало шестого.

— Уже шестой?! — госпожа Хань снова всплеснула руками, мысленно отчитывая сына за то, что тот тянул до последнего.

— Раз он твой начальник, значит, старше тебя? — продолжила она расспросы, понимая, как мало ещё знает.

— На два года.

Хань Цзин аккуратно взял горячую тарелку. Ему не хотелось выкладывать всё и сразу, нужно было посоветоваться с Морисом. Накануне, когда они упоминали зятя и отца, лицо Мориса на мгновение изменилось.

— На два года... Значит, ему за тридцать? — после всех потрясений за этот день госпожа Хань реагировала уже на удивление спокойно.

— Ну, это даже хорошо. Остепенился уже, сможет совладать с твоим упрямым характером. Хотя тридцать лет... Даже для женщины это непростой возраст для родов. Может, стоит начать готовиться заранее?

— Мам, до этого ещё далеко! Ты лучше помоги мне с папой объясниться! — поспешно перевёл тему Хань Цзин и, оставив встревоженную мать, быстро взбежал по лестнице с тарелкой ароматных рёбрышек.

В тёплой полутьме спальни витал густой, душный аромат страсти.

Морис уже сбился со счёта, сколько раз они достигали пика. Его тело вновь задрожало, длинные стройные ноги до предела натянулись, судорожно сжимая спину Хань Цзина, а бедра забились в сладкой агонии, унося его на вершину блаженства.

— Хань Цзин... — прошептал Морис, тихо всхлипывая. Его подёрнутые влажной дымкой изумрудные глаза с немой мольбой и обидой уставились на того, кто крепко сжимал его в объятиях.

— Что такое? — мягко придерживая его за округлившуюся талию, Хань Цзин лукаво прищурился, откровенно издеваясь.

— Ты... ах! — новый глубокий толчок заставил Мориса задохнуться. Он злился на этого несносного парня, который намеренно терзал самые чувствительные точки его лона, удерживая жар внутри тела на пределе и изводя бесконечными, изнуряющими волнами наслаждения.

— Хань Цзин, хватит!

— Перестань! Ах... негодяй! — Морис злился и плакал от бессилия, пока его тело вновь и вновь сотрясали сладкие конвульсии.

— Тише, любовь моя, мама услышит, — Хань Цзин мягко прервал его жалобы поцелуем, заглушая несвязные стоны. На его губах играла торжествующая улыбка.

Поддаваясь его настойчивому напору, Морис нетерпеливо извивался, но врождённая гордость заставляла его изо всех сил закусывать губы, сдерживая постыдные крики. Не находя выхода, экстаз заставлял его тело мелко дрожать, и лишь тихие, жалобные всхлипы срывались с его губ.

— Не торопись. Тебе теперь нельзя напрягаться, так что мы будем смаковать каждое движение...

— Ну как, мои рёбрышки были вкусными?

— Или то, что происходит сейчас, гораздо слаще?

При тусклом свете ночника Хань Цзин осыпал нежными, тягучими поцелуями покрасневшее лицо Мориса. Несмотря на то, что тесное, горячее нутро Мориса сжимало его до предела, Хань Цзин сдерживал собственный порыв, плавно и тягуче доводя любовника до иступления.

Морис двигался в такт его неспешным толчкам, изнывая от неудовлетворённого желания. Его ягодицы дрожали при каждом проникновении. Наконец, не в силах больше терпеть эту сладкую пытку, он отчаянно впился зубами в плечо Хань Цзина.

Хань Цзин крепко прижал к себе его содрогающееся тело, нежно поглаживая по спине, бёдрам и пояснице.

Сплетённые в тесном соитии, они казались единым целым. Едва Морис перевёл дыхание после бурного пика, как сквозь зубы процедил:

— Ты делаешь это нарочно...

Договорить он не успел — новый сокрушительный прилив наслаждения заставил его выгнуться и бессильно упасть на грудь Хань Цзина. Влажные, бесстыдные звуки толчков и тихий плач Мориса растворялись в душной темноте ночи, унося их в бесконечную нежность.

На следующее утро тёплые солнечные лучи пробились сквозь листву за окном, наполняя комнату уютным светом.

Морис лениво перевернулся на бок, обнимая мягкое одеяло. Пробуждающееся сознание тут же омрачилось запоздалым приступом утренней тошноты.

Привычно зажав рот ладонью, он соскочил с постели и бросился в ванную. Изрядно намучившись у раковины, он наконец вышел в пустую комнату. Часы на письменном столе показывали ровно десять.

Рядом со стоящей на столике пиалой лежала записка. Морис взял её и прочитал:

"Мама просила тебя не будить, хотела, чтобы ты выспался.

Как проснёшься, обязательно выпей суп из ласточкиных гнёзд, съешь овсянку на молоке и кислые сливы — они помогут унять тошноту.

Всё это приготовила мама, представляешь, как она за тебя переживает? Она даже ковры постелила от самой ванной до коридора, чтобы ты случайно не поскользнулся..."

Аккуратный, изящный почерк Хань Цзина вывел эти заботливые, слегка суетливые строчки, от которых у Мориса на душе потеплело, а на губах заиграла мягкая улыбка.

Пушистый ковёр тянулся от самой спальни Хань Цзина по изгибам лестницы прямо в просторную гостиную. Там вовсю кипела работа: приглашённые из элитного отеля повара выкладывали на подносы изысканные десерты, а Чжан-ма согласовывала праздничное меню с госпожой Хань.

К 2300 году ручной труд стал непомерной роскошью. Содержать постоянную прислугу могли позволить себе лишь древние аристократические династии или богатейшие кланы. Обычные обеспеченные семьи для проведения праздников нанимали кейтеринг при отелях, откуда присылали поваров и официантов.

Хань Цзин, сменив вчерашнюю суетливость на спокойную собранность, стоял рядом с отцом. На нём была простая рубашка и серый кашемировый пуловер. Хмурясь под градом упреков, он молча слушал родителя, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль.

Упрямства Хань Цзину было не занимать: если уж он что-то вбил себе в голову, сдвинуть его с места не под силу и десятку быков. Стойко снося гнев отца, он на каждое обвинение ровным, тихим голосом твердил одно и то же — он твёрдо намерен жениться на Морисе.

— И как только земля носит такого неблагодарного сына! — бушевал господин Хань. — Оперился, значит, и сразу решил упорхнуть?! Ладно математика твоя, тут я слова не сказал, но заявить, что ты женишься на мужчине?! Да ещё и обрюхатил его! Как мне людям в глаза смотреть?! Что я скажу родственникам, друзьям, когда они начнут расспрашивать?!

— Ну что ты кричишь, дело-то уже сделано, — вмешалась подошедшая госпожа Хань, закончив давать указания Чжан-ма. — Сейчас нужно думать о том, как побыстрее сыграть свадьбу. Мальчик уже на шестом месяце, тянуть больше нельзя.

Она огляделась по сторонам:

— А где сам Морис? Почему ещё не спустился?

— Я не хотел, чтобы он чувствовал себя неловко, — тихо ответил Хань Цзин. — Пусть сначала папа остынет. К тому же, Морис неважно себя чувствует, я не стал его будить.

— Вот видишь! Полюбуйся на своего любимчика! Совсем страх потерял! — сердито бросил господин Хань, обращаясь к жене.

Госпожа Хань шутливо покачала головой:

— И то верно, сынок. Сегодня у твоего отца юбилей, и по всем правилам приличия ты должен

был сразу представить нам Мориса, чтобы отец мог на него взглянуть.

— И на что там смотреть? Чтобы выслушивать новые нотации?.. — буркнул под нос Хань Цзин.

— Погляди на него! С каждым годом становится всё невыносимее! — продолжал ворчать отец, хотя на единственного сына по-настоящему злиться не умел. Будь он военным, как генерал Грант Норман, Хань Цзин давно бы ходил по струнке, а не рос таким избалованным.

Мать легонько хлопнула Хань Цзина по плечу, подыгрывая мужу:

— А ну извинись перед отцом! Ты действительно поступил опрометчиво.

— Папа, прости меня, — тут же воспользовался моментом Хань Цзин. — Но Мориса не вини. Он носит ребёнка, быстро устаёт. Это я виноват, что не разбудил его.

Господин Хань лишь презрительно фыркнул:

— Не думай, что всё так просто решится! Я своего согласия не давал. Мало того, что ребёнок до брака, так ещё и союз с женщиной... Что люди о нашей семье подумают?! Вспомни, какую роскошную свадьбу мы сыграли твоей сестре! А ты решил опозорить меня перед всеми знакомыми, чтобы мы стали посмешищем?!

— Папа, сегодня твой день рождения, давай не будем о грустном, — раздался мягкий, певучий голос. В гостиную, ведя под руку мужа, вошла Хань Му. На её лице сияла ласковая улыбка, свойственная южанкам.

— Опять у тебя в голове короткое замыкание случилось? — с напускной строгостью спросила она брата, хотя в её глазах сквозила безграничная нежность. — Только маму зря расстраиваешь.

— Сестра! Шурин! — Хань Цзин посмотрел на них как на спасителей и с облегчением выдохнул.

— Отец, гости начнут прибывать с минуты на минуту, — с улыбкой вмешался Чжоу И, приходя на выручку свояку. — Цзин, чего ты стоишь? Беги наверх, веди своего избранника. Хотелось бы познакомиться с ним до того, как соберётся вся толпа.

Поняв, что зять на его стороне, Хань Цзин окончательно воспрянул духом. Но не успел он развернуться, как увидел Мориса, медленно спускающегося по лестнице и аккуратно придерживающегося за перила.

Услышав доносившиеся снизу голоса, Морис мысленно попенял Хань Цзину за его излишнюю

заботу. Тот, конечно, желал как лучше, но в итоге ситуация обернулась жуткой неловкостью.

Хань Цзин бережно, но крепко взял Мориса за руку и подвёл к отцу.

— Папа, это Морис. Человек, которого я люблю.

— Рад нашему знакомству, господин Хань, — Морис взял себя в руки, пряча мимолётное волнение за безупречной, вежливой улыбкой.

Господин Хань медленно кивнул, и в его глазах промелькнуло искреннее удивление. Он знал, что избранник сына — иностранец, но из рассказов жены сделал вывод, что верховный начальник Хань Цзина — это какой-нибудь кабинетный учёный, вроде самого сына-математика или Роджера, специалиста по древним языкам.

Однако перед ним стоял невероятно красивый мужчина, от которого исходила безошибочно узнаваемая, властная аура человека, привыкшего повелевать. За долгие годы в бизнесе господин Хань встречал людей с подобной выправкой лишь считанные разы — и все они были высокопоставленными чиновниками, наделёнными колоссальной реальной властью. Свести с ними знакомство обычному коммерсанту было не под силу; он лишь изредка пересекался с ними благодаря связям своего зятя.

Пока отец хранил молчание, пытаясь совладать с нахлынувшими мыслями, Хань Цзин с надеждой посмотрел на сестру, спасая назревающую паузу.

— А это моя старшая сестра Хань Му и её муж Чжоу И.

— Здравствуйте, — мягко улыбнулась Хань Му. — Вы выглядите ещё более статно и благородно, чем я себе представляла. Теперь понятно, почему мой братец твердит о вас без умолку.

— Сестра! — вспыхнул Хань Цзин, оберегая покой Мориса и ловя каждое слово.

Морис изящно ответил на приветствие и перевёл открытый, вежливый взгляд на зятя Хань Цзина. В ту же секунду всегда уверенный в себе, красноречивый Чжоу И мгновенно вытянулся в струну, а его лицо исказила неподдельная, паническая растерянность.

— Здравия желаю! — отчеканил он, силясь совладать с дрожью в голосе. — Начальник штаба Азиатского военного округа, генерал-майор Чжоу И! Рад приветствовать вас, господин главнокомандующий!